

ПЕТР ЛЮКИМСОН

РАЗВЕДКА
ПО-ЕВРЕЙСКИ:
СЕКРЕТНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ ПОБЕД И
ПОРАЖЕНИЙ

Петр Люкимсон

**Разведка по-еврейски: секретные
материалы побед и поражений**

«Автор»

2008

Люкимсон П. Е.

Разведка по-еврейски: секретные материалы побед и поражений /
П. Е. Люкимсон — «Автор», 2008

ISBN 978-5-222-14497-8

Книга «Разведка по-еврейски: секретные материалы побед и поражений» знакомит читателя с абсолютно неизвестными страницами истории израильских спецслужб на примерах их многолетнего противостояния службам внешней разведки других стран мира, в том числе и СССР. Каждая глава книги – захватывающий документальный «шпионский детектив», подробности которого еще много лет будут находиться под грифом «Совершенно секретно». Будучи хорошо осведомленным о методах работы ШАБАКа и «Моссада», автор книги вводит читателя в кабинеты следователей и руководителей израильских спецслужб, показывая изнутри те аспекты непрерывной войны, в которой сила характера и интеллект значат куда больше, чем умение владеть оружием и современной спецтехникой. Материалы книги позволяют вдумчивому читателю по-новому взглянуть на важнейшие события XX века. Книга предназначена для широкого круга любителей исторической, политической и детективной литературы.

ISBN 978-5-222-14497-8

© Люкимсон П. Е., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть 1.	10
1955. Покаяние красного крота	10
1958. Лютик из Варшавы	20
1960.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пётр Люкимсон

Разведка по-еврейски : секретные материалы побед и поражений

Пролог

Книга, рожденная в больнице

Скажу сразу, что я прекрасно понимаю читателя, который, еще не успев открыть эту книгу, поспешит воскликнуть: «Опять израильские спецслужбы?! Ну сколько можно писать про «Моссад»?!»

В самом деле, с начала 90-х годов на русском языке вышло столько изданий, посвященных деятельности «Моссада», что, кажется, у этой организации вообще не осталось никаких тайн. Про вторую, внутреннюю израильскую спецслужбу – ШАБАК – написано меньше, но все же вполне достаточно, чтобы читатель составил представление о ее работе.

Однако позволю себе заметить, что все изданные на русском и других языках книги о «Моссаде» и ШАБАКе рассказывают, по сути дела, об одних и тех же проведенных ими операциях: арестах Адольфа Эйхмана и Мордехая Вануну, разработке удара по ядерному реактору в Ираке, взлете и провале великого израильского разведчика Эли Коэна...

Что ж, все эти операции и в самом деле принесли «Моссаду» заслуженную славу одной из лучших разведок мира и, естественно, оказались в сфере самого пристального внимания как профессионалов, так и журналистов. И потому об этих операциях в книге, которую вы держите в руках... не будет сказано ни слова.

Или если и будет сказано, то мельком.

В основу данной книги легли те страницы истории израильских спецслужб, которые пока оставались совершенно неизвестными широкому читателю, но из которых, по большому счету, и складывается повседневная жизнь любой разведки и контрразведки.

Тем, кто ее откроет, предстоит познакомиться не только с успехами, но и с неудачами, более того – грандиозными провалами «Моссада» и ШАБАКа, а также с операциями, которые были свернуты еще на стадии их подготовки, хотя если бы они были успешно осуществлены, то могли бы изменить ход мировой истории или, по меньшей мере, истории Ближнего Востока.

Кроме того, перед читателем впервые предстанет та яростная борьба, которую на протяжении десятилетий израильская контрразведка вела с действовавшими на территории еврейского государства разведчиками самых различных стран мира.

И судьба каждого из действовавших против Израиля разведчиков – это тоже отдельная история.

В биографии каждого из них отразилась та эпоха, в которую ему пришлось жить и действовать, каждый выбирал для себя этот путь, руководствуясь своими мотивами, понимание которых позволяет подобрать ключи к разгадке многих тайн и Израиля, и тех стран, которым они служили.

Как, впрочем, не менее интересны и истории судеб израильских разведчиков и контрразведчиков, с которыми читателю также предстоит познакомиться на страницах этой книги, родившейся на свет благодаря совершенно случайному знакомству автора с одним из ветеранов израильской разведки.

Так получилось, что несколько лет назад мне довольно долго пришлось пролежать в больнице. Думается, не нужно объяснять, что особого удовольствия пребывание в этом месте не

доставляет, но зато вряд ли где-нибудь еще вы можете в течение нескольких дней познакомиться с таким числом людей.

Нахождение в больнице в чем-то сродни поездке в поезде: соседи по палате относятся друг к другу, как случайные попутчики, каждому из которых предстоит выйти на своей остановке в ту или иную дверь, каждый понимает, что судьба вряд ли еще раз сведет его с этими людьми, и в то же время обитателей палаты объединяет то, что все они вдруг оказались в почти унижительном статусе пациента – и кто знает, когда и как они с этим статусом распрощаются. А потому соседи по больничной койке подчас рассказывают о себе друг другу такое, о чем порой не догадываются даже самые близкие им люди.

Так случилось, что моим соседом оказался невысокий, подтянутый пожилой человек. Это был типичный еврейский интеллигент: лысый, в очках, через которые на собеседника глядели пронзительно умные, кажется, просвечивающие тебя насквозь глаза. Но вот, кроме глаз, ничего примечательного в этом субъекте не было.

«Наверное, бывший бухгалтер или адвокат», – подумал я. Мы поздоровались, и на этом наше первоначальное знакомство закончилось. Но днем, когда немалые дозы лекарств позволили забыть о боли и сделали нас обоих более-менее вменяемыми людьми, мы вместе вышли в просторный больничный холл. Я жадно закурил, а мой сосед сел в кресло и тут же погрузился в чтение книги, имя автора которой мне было хорошо знакомо –

Исер Харел¹, легендарный глава «Моссада», единственный человек, который какое-то время возглавлял все израильские спецслужбы.

Судьба свела меня с Исером Харелом в 1994 году, когда мне удалось уговорить его дать первое интервью для русскоязычной прессы. – Шалом, господин Харел, – сказал я ему при встрече на своем ужасном иврите.

– Харель, – поправил он меня. – «Харел»² – это звучит почти как оскорбление...

И после этого, несмотря на все мои попытки, так и отказывался заговорить по-русски, хотя о его неистребимом русском акценте можно было прочесть в любой книге о «Моссаде». Тогда-то я и ощутил на себе силу его гипнотических прозрачных глаз, о которой тоже немало написано; говорят, что многие подозреваемые «раскалывались», стоило лишь Харелу посмотреть на них. Под этим взглядом желание задавать вопросы исчезало как-то само собой, и тем не менее я твердо решил довести интервью до конца.

Но вскоре наша беседа зашла в тупик. Стало ясно, что передо мной сидит один из тех «динозавров» Израиля, которых невозможно ни в чем переубедить, не меняющих с годами ни взглядов, ни принципов, даже если сама жизнь доказала всю их нелепость, и это вызывало невольное раздражение. Но вместе с тем чем больше мы говорили, тем яснее становилось мне, что только такие фанатичные «динозавры», для которых слова «честь», «Родина», «патриотизм» никогда не меняли своего высокого значения, и могли построить и защитить эту страну. Помнится, чувствуя, что у меня явно не хватает материала для полосного интервью, я попросил Исера Харела рассказать какую-нибудь неизвестную историю из его деятельности на посту начальника «Моссада».

– Ну да, – ответил он, – я тебе сейчас расскажу, а о чем я буду писать свою следующую книгу?!..

При этом я ощутил в его голосе нотки писательского тщеславия. Что ж, он и на это имел право: лучшие его книги, например, «Дом на улице Гарибальди» – о том, как был арестован

---

¹ Исер Харел (Гальперин, 1912–2004) – легендарный руководитель израильских спецслужб. Официально был главой «Моссада» в 1952–1963 гг., но фактически возглавлял все спецслужбы и координировал их деятельность. Ушел в отставку в 1963 году из-за острого конфликта с Давидом Бен-Гурионом.

² Слово «хара» на иврите означает «дерьмо».

и доставлен в Израиль Адольф Эйхман³, стали не только израильскими, но и мировыми бестселлерами.

– Скажите, господин Харел, – спросил я уже в конце нашего разговора. – Есть ли все-таки что-то, о чем вы жалеете, что бы вам хотелось сделать в качестве начальника «Моссада», но вы этого сделать так и не смогли?

На минуту в комнате повисла пауза, а затем Харел сцепил руки так, что я услышал, как хрустнули его старые пальцы.

– Да, – сказал наконец он. – Я так и не сумел поймать доктора Йозефа Менгеле⁴. Несколько раз он был у меня «на крючке» – и каждый раз уходил. Если бы я не подал в отставку, я бы его все равно поймал, потому что это чудовище должно было быть схвачено и повешено. Но те, что пришли после меня, поймать его так и не смогли. А может, для них это просто было не так важно, как для меня...

И вот сейчас мой сосед по палате читал мемуары динозавра по имени Исер Харел.

– А знаете, я ведь был знаком с автором этой книги, – сказал я, чтобы завязать разговор.

– Я тоже, – кивнул он. – Даже какое-то время работал под его началом, но, слава Богу, это длилось недолго. Затем меня перевели в Арабский отдел ШАБАКа⁵, где я и прослужил до самой пенсии...

– В Арабском отделе Общей службы безопасности?! – переспросил я, чувствуя, что мне привалила неслыханная журналистская удача, и, представившись, попросил своего нового знакомого дать мне интервью о работе его ведомства.

– Нет, – вдруг отрезал он. – Вот этого не нужно!

– Но почему?! Я не собираюсь вас «раскалывать» на какие-то государственные секреты, вы сами будете выбирать, что рассказывать, а что – нет.

– Само собой, я и не буду рассказывать вам то, чего рассказывать нельзя, – ответил он. – Но даже говоря о событиях, которые уже известны, я могу случайно обмолвиться, выболтать информацию, которая и мне, и вам покажется совершенно незначительной, а в итоге может нанести серьезный вред конкретным людям, если ваша газета случайно попадет на глаза не тем, кому нужно... Знаете, в нашей профессии ценой успеха нередко бывают сломанные человеческие судьбы. Я приведу один маленький пример. Вскоре после Шестидневной войны⁶ я подготовил группу разведчиков, призванную действовать среди арабов. Все они в совершенстве овладели не только арабским языком, но и арабским менталитетом, образом жизни, и внедрились в арабское общество как арабы. Один из моих подопечных знал Коран⁷, хадисы⁸ и законы шариата⁹ на таком уровне, что в конце концов стал преподавателем в медресе – рели-

---

³ Адольф Эйхман – нацистский военный преступник. В период Второй мировой войны участвовал в разработке и реализации планов физического уничтожения еврейского населения Европы, непосредственно руководил организацией транспортировки евреев в концлагеря. После разгрома фашистской Германии бежал в Аргентину. В 1960 году схвачен агентами «Моссада» и доставлен в Израиль. В Израиле после продолжительного судебного процесса Эйхман был приговорен к смертной казни. Труп Эйхмана сожгли, его прах развеяли над Средиземным морем.

⁴ Йозеф Менгеле – немецкий врач, проводивший опыты на узниках концлагеря Освенцим. За изощренную жестокость получил от заключенных прозвище «Ангел Смерти». За время своей «работы» отправил в газовые камеры более 400 000 человек. Умер своей смертью в 1979 году в Бразилии.

⁵ ШАБАК – аббревиатура, образованная от ивритского словосочетания «Ширут битахон клаль», то есть «Общая служба безопасности».

⁶ Шестидневная война – война на Ближнем Востоке между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года. По итогам войны Израиль взял под свой контроль принадлежавший Египту Синайский полуостров и сектор Газа, находившиеся под управлением Иордании Восточную часть Иерусалима, Иудею и Самарию и входившие до того в состав Сирии Голанские высоты.

⁷ Коран – главная священная книга ислама: собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, молитв, назидательных рассказов и притч, произнесенных Мухаммедом в Мекке и Медине.

⁸ Хадисы (в буквальном переводе с арабского – «рассказы») – предание, основанное на случае из жизни или каком-либо изречении пророка Мухаммеда и его сподвижников.

⁹ Шариат (от арабского «шариа», буквально – «правильный путь», «образ действия»), свод религиозно-этических и право-

гиозной арабской школе. Все они пережились на арабах и вообще внешне вели образ жизни благочестивых мусульман. Я был чрезвычайно доволен их работой, но проблемы начались, когда мы их отозвали домой. Для их жен и детей то, что их отцы оказались евреями, было самым настоящим шоком. И им надо было пройти гиюр¹⁰...

– Гм... Они согласились?

– Я встречался с каждой из этих женщин по отдельности и каждой говорил приблизительно одно и то же: «Государство Израиль обязано вам и вашим детям до конца ваших дней. И до конца ваших дней мы готовы платить вам любые деньги. Но мы боимся, что ваши соплеменники не простят вам того, что было, и если вы вернетесь в родные места, то и вас, и ваших детей скоро убьют. В то же время ваш муж любит вас (это обычно было чистой правдой) и не хочет с вами разводиться. И я предлагаю вам стать полноценными членами израильского, еврейского общества... Выбирайте!» Честно говоря, выбора у них на самом деле не было. А гиюр им и их детям, между прочим, проводил сам главный раввин израильской армии Шломо Горен¹¹. Но на этом проблемы не кончились. Сыновья наших разведчиков отказывались служить в израильской армии, потому что не хотели «направлять оружие в сторону братьев». Материнское молоко, знаете ли, великая вещь, и, что бы там ни говорили, подлинная национальность любого человека всегда определяется именно по матери. Дочь одного из наших разведчиков вышла по любви замуж за парня из традиционной еврейской семьи. При этом все время до свадьбы она переживала, что родители ее избранника узнают, что у нее мать – арабка. Но спустя шесть лет кто-то из журналистов каким-то образом узнал об истории семьи разведчика, опубликовал в газете очерк о нем. Эта газета попала в руки свекрови его дочери, и та, гадина, потребовала от сына, чтобы он развелся с женой. А у нее к тому времени было трое детей... Вот и получается, что в итоге за успешную разведывательную операцию платит уже третье поколение одной семьи, хотя дети этой молодой женщины ни в чем не виноваты. Понятно, что иначе как мерзавцами, тех, кто настоял на разводе, я назвать не могу. Но ведь если бы кто-то из наших не разговорился бы с журналистом, эту семью, возможно, удалось бы сохранить...

Проходил день за днем. Мы с Гади – так звали моего соседа по палате – все больше сближались, но я ни разу больше не просил его об интервью, а он, видимо, оценив мою деликатность, рассказывал все больше и больше о своей работе.

Наши беседы продолжились и после того, как нас выписали из больницы: я стал довольно частым гостем в доме Гади, который вместе с кофе и пахлавой потчевал меня каждый раз еще и необычайно вкусными «шпионскими» историями. В сущности, он сам являлся ходячей историей израильских спецслужб и вдобавок разрешил мне беспрепятственно пользоваться его огромной библиотекой, в которой были собраны все исследования, все мемуары и вообще все книги о работе «Моссада» и ШАБАКа, которые когда-либо выходили на иврите, арабском, английском и французском языках. Рассказы Гади, а также сведения, почерпнутые из этих фолиантов, и составили основу книги, которую вы сейчас держите в руках, и мне остается лишь честно в этом признаться.

Да и само название книги – «Разведка по-еврейски: секретные материалы побед и поражений» – тоже достаточно условно: она не содержит никакой секретной информации, все приведенные в ней истории разрешены к публикации израильской цензурой. И в то же время

вых предписаний ислама, опирающихся на Коран, сунну и фикх. Помимо предписаний об основных религиозных обязанностях мусульман, включает нормы государственного, гражданского, уголовного и процессуального права. Шариат продолжает считаться источником исламского права и одной из основ мусульманской идеологии и в наши дни.

¹⁰ Гиюр – церемония перехода в иудаизм, после которой прозелит считается таким же евреем, как и остальные, и передает свое еврейство по наследству.

¹¹ Шломо Горен (Горончик, 1917–1994) – легендарный главный раввин Армии Обороны Израиля. После демобилизации в 1971 г. с 1972 по 1983 гг. занимал пост главного ашкеназского раввина Израиля.

большинству читателей, вне сомнения, предстоит познакомиться с ними впервые. А познакомившись, – чуть иначе взглянуть на всю историю второй половины XX столетия.

Часть 1.

Звезда и крест. Разведслужбы СССР и Восточной Европы против Израиля

1955. Покаяние красного крота

Летом 1955 года один за другим стали проваливаться резиденты израильской разведки в Европе.

К тому времени «Моссаду» едва-едва исполнилось четыре года, и провалы можно было бы списать на неопытность и недостаточную подготовку разведчиков, если бы их не было так много. И потом, провалы касались не только израильтян: неожиданно египтяне без всяких объяснений выслали с территории своей страны двух немецких специалистов по производству оружия, в которых вроде бы позарез нуждались. Да, два этих немца действительно работали на «Моссад», но они и сами этого не знали и уж тем более о данном факте не могли, не должны были знать египтяне. Но египтянам каким-то образом об этом стало известно, и списывать происшедшее на случайность было никак нельзя.

– Объяснение может быть только одно: среди нас есть «крот», – сказал на совещании руководства «Моссада» Исер Харел. – Я не исключаю, что он сейчас сидит за этим столом. Хотя вполне возможно, что он является членом правительства или высокопоставленным чиновником. Очень вероятно, что он – один из тех людей, которые ежедневно стучат в дверь моего кабинета...

Конечно, сверхподозрительный Маленький Исер (а именно так называли за глаза всемогущего главу «Моссада» Исера Харела его подчиненные, причем не столько за маленький рост, сколько для того, чтобы отличить его от первого начальника этой спецслужбы Исера Большого – Исера Беэри¹²), как всегда, немного загнул. Но одновременно в какой-то степени он оказался пророком: настал день, и человек, по вине которого произошли все эти провалы, сам постучался в дверь его кабинета.

Его звали Зеэв Авни, он был секретарем израильского консульства в Белграде. И – одновременно – советским разведчиком, служившим своим московским хозяевам не за страх, не за деньги, а исключительно за совесть, то есть из глубоких идейных соображений. Вряд ли нужно объяснять, что это и есть самая опасная для любой страны категория шпионов.

* * *

Зеэв Авни родился в 1921 году в Риге в семье одного из лидеров студенческого социалистического движения Латвии. Правда, самой Риги Вольф Гольдштейн – а именно так его звали в детстве – совершенно не помнил: его родители были депортированы из страны по постановлению латвийского правительства, когда он был совсем маленьким. Молодая семья обосновалась в Берлине. Здесь Вольф и прожил первые 12 лет своей жизни – до того самого 1933 года, когда к власти в Германии пришли нацисты, и его родители, теперь уже по собственной инициативе, покинули страну вместе с сыном, перебравшись в спокойный Цюрих.

---

¹² Исер Беэри (Биренцвейг, род в 1901 г.) – один из создателей израильских спецслужб, первый официальный руководитель службы Шай («Шерут едиот» – «Служба информации»), реорганизованной в 1948 году: были созданы военная разведка (АМАН), служба внутренней разведки (впоследствии реорганизованная в ШАБАК) и служба внешней разведки, позже получившая название «Моссад».

Как вспоминает сам Зеэв Авни в своих мемуарах, в те годы он часто смотрелся в зеркало, сгорая от ненависти к собственному отражению. Ах, как ему бы хотелось быть своей полной противоположностью – высоким, хорошо сложенным блондином с голубыми глазами и прямым, не очень длинным носом. А вместо этого на него из зеркала смотрел нескладный подросток с лицом, которое Бог, похоже, вылепил после того, как вдоволь насмотрелся нацистских карикатур на евреев.

Но, помимо вполне естественного для этого возраста телесного томления, проходящего через тернии отрочества, Вольфа Гольдштейна мучило томление духовное. Он пытался найти ответ на главные вопросы бытия и искал их, естественно, прежде всего в книгах. А из всей домашней библиотеки Гольдштейны увезли с собой в Швейцарию то, что им казалось самым ценным, – собрание сочинений В. И. Ленина.

Именно в труды Ленина и погрузился с головой 14-летний Вольф. Вскоре он уже точно знал, что учение Маркса всесильно потому, что оно – верно, что счастливое будущее человечества связано с коммунизмом, к которому следует прийти через мировую революцию, и что его родители в последние годы совершенно обуржуазились и стали ревизионистами вроде предателя Каутского или меньшевика Мартова. Если бы дело обстояло иначе, его папа, считал Вольф, не настаивал бы на том, что его сыну следует поступить в университет на юридический или медицинский факультет, а начал бы готовить его к борьбе с мировым империализмом!

В этот же период у Вольфа появляется первая девушка по имени Эдит, за которой он с замирающим сердцем следовал повсюду, в том числе и на частные уроки итальянского языка, которые та брала у очаровательной женщины по имени Роза. В доме Розы Вольф сталкивается с ее любовником Карлом Виберлом – тоже весьма симпатичным мужчиной средних лет, поражающим своей эрудицией, интеллигентностью, какой-то исходящей от него внутренней силой. И вдобавок ко всему, как и Вольф, хорошо знаком с трудами Ленина!

Карл Виберл тоже обращает внимание на любознательного отрока и предлагает ему просто так, без всякой оплаты, давать уроки русского языка – языка, на котором говорили и писали Пушкин, Толстой, Достоевский и – самое главное! – Владимир Ильич Ленин!

Официально Карл Виберл жил в Швейцарии в качестве бежавшего в эту страну от преследований то ли немецкого чеха, то ли чешского немца. Что, впрочем, было совершенно неважно, так как он не был ни тем, ни другим. И Карлом Виберлом он тоже не был, настоящее его имя было Павел, а фамилия... Чтобы выяснить его фамилию, нужно, наверное, немного покопаться в архивах нынешней ФСБ России. Потому что Карл-Павел Виберл был полковником ГПУ и резидентом советской разведки, причем не только в Швейцарии, но и, видимо, во всей Западной Европе – к нему стекались донесения советских разведчиков, работавших в Германии, Франции, Норвегии и других странах, и уже из Цюриха он передавал их в Москву.

Виберл и завершил воспитание Вольфа Гольдштейна в духе марксизма-ленинизма, а заодно обучил его азам разведывательной и диверсионной деятельности. Правда, опробовать их на практике юноше довелось не сразу: в 1940-м году он был призван в швейцарскую армию и в составе пехотного полка направлен на границу с Германией. Обо всем, что он там видел и слышал, Вольф подробно рассказывал во время своих солдатских отпусков Карлу Виберлу.

Ну, а сразу после демобилизации под руководством того же Виберла, давшего ему кличку Тони, Вольф Гольдштейн создал подпольную антифашистскую ячейку, которая впоследствии собирала данные о деятельности немцев на территории Швейцарии, а порой и совершала диверсии против швейцарских предприятий, активно сотрудничавших с нацистской Германией, или пускала под откос идущие в эту страну эшелоны с различными грузами.

Деятельность группы Гольдштейна была прекращена только в начале 1945-го года, после того как СССР и Швейцария установили дипотношения и из Москвы пришло указание прекратить совершение диверсий на территории этого нейтрального государства.

А в 1947 году Вольфу Гольдштейну пришло время прощаться с учителем и близким другом: Карл Виберл возвращался в Москву. На прощание Карл сказал, что Тони – прирожденный разведчик – и потому его служба во имя победы коммунизма во всем мире не закончена.

– Наоборот, именно сейчас нам как никогда понадобятся свои люди и в Центральной Европе, и в скандинавских странах, и на Ближнем Востоке, – заверил его Карл-Павел. – И, думаю, тебе лучше всего податься на Ближний Восток, а уж мы там тебя найдем, не волнуйся. Запомни пароль...

Пароль Вольф запомнил. И сразу после отъезда учителя начал готовиться к переселению на Ближний Восток.

* * *

Добраться до Земли обетованной оказалось довольно просто: Вольф обратился в действующее в Цюрихе отделение молодежной организации «Ха-шомер хацаир»¹³ и вскоре вместе со своей Эдит оказался на пароходе, следовавшем в Хайфу. Эдит уже была не просто его девушкой, а законной женой, вдобавок ко всему находившейся на последнем месяце беременности.

В Хайфу супруги Гольдштейны прибыли весной 1948 года – в самый канун Войны за Независимость¹⁴. Вольфу Гольдштейну велели доставить жену и только что родившуюся дочку в один из кибуцев¹⁵, а самому присоединиться к частям Хаганы¹⁶, призванным поставить заслон на пути рвущихся в Палестину подразделений иракской армии.

Когда война закончилась и Вольф вернулся в кибуц, его там ждала неприятная новость: за время его отсутствия Эдит влюбилась в своего учителя иврита и решила создать новую семью. Подавленный изменой жены, Вольф отправился в Тель-Авив, и ноги сами принесли его к только что открывшемуся здесь советскому посольству. Каким-то образом ему удалось добиться встречи с Митрофаном Федориным – помощником культурного атташе посольства, а точнее – представителем КГБ, числящимся помощником культурного атташе.

Вольф Гольдштейн начал разговор с Федориным с того, что в Цюрихе он был хорошо знаком с неким Карлом Виберлом, который звал его Тони, и что у него была договоренность с Виберлом о том, что с ним выйдут на связь, как только он обоснуется на новом месте. Вот он вроде бы и обосновался. Но на связь почему-то никто не выходит...

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – холодно, даже как-то слишком холодно ответил Федорин. – Думаю, вы ошиблись адресом. Да и вообще, как говорите вы сами, евреи, зачем

---

¹³ «Ха-шомер ха-цаир» (буквально – «Юный страж») – молодежное левосоциалистическое сионистское движение, целью которого была подготовка еврейской молодежи к переселению в Эрец-Исраэль и к кибуцной жизни. Создано в 1916 году в Вене. В 1946 г. движение «Ха-Шомер ха-цаир» преобразовалось в политическую партию, а в 1948 г. совместно с Единым рабочим движением создало партию МАПАМ.

¹⁴ Война за Независимость – так в Израиле называют Арабо-израильскую войну 1948–1949 годов. В этой войне Египет, Сирия, Ливан, Трансиордания, Саудовская Аравия и Ирак напали на только что провозглашенный Израиль с целью уничтожения нового государства. По итогам Войны за Независимость около половины территорий, выделенных под арабское государство, а также Западный Иерусалим оказались под контролем Государства Израиль. Остальные арабские территории, а также Восточный Иерусалим оказались под контролем Иордании и Египта и оставались под их управлением до Шестидневной войны 1967 года.

¹⁵ Кибуц – добровольное объединение людей, ком-муна с целью создания сельскохозяйственного поселения и организации жизни на принципах совместного владения собственностью, личного (не-наемного) труда, равенства и соучастия каждого во всех сферах производства, потребления и воспитания. При этом кибуц удовлетворяет нужды своих членов в еде, одежде, жилье, образовании и развитии творческих способностей.

¹⁶ Хагана (в буквальном переводе с иврита – «оборона») – первоначально этим словом обозначались еврейские отряды самобороны, возникшие в дни погромов в России. В 1920 г. такое название получила военная организация, призванная охранять еврейские населенные пункты. В 1948 году на базе Хаганы была создана Армия Оборона Израиля (ЦАХАЛ).

вам все эти глупости?! Живите себе на своей исторической родине и будьте счастливы! Лично я искренне желаю вам как можно лучше обустроиться на новом месте...

В сущности, последняя фраза означала буквально следующее: «Устраивайтесь, укрепляйте свое положение, внедряйтесь в израильское общество и ждите, пока о вас вспомнят!» Однако Вольф Гольдштейн тогда ее не понял и, вернувшись в кибуц, решил попытаться тем или иным образом выйти непосредственно на Москву, на руководство КГБ.

Это и стало его первой и, по сути дела, роковой ошибкой.

Узнав о том, что у одного из жителей кибуца есть родственники в Москве, Гольдштейн решил использовать его в качестве связного, а заодно признался кибуцнику в том, что является убежденным коммунистом. Но последний воспринял его признание приблизительно так же, как католик времен Карла IX воспринимал слова ближнего о том, что последний является протестантом. Жители кибуцев по определению не могли быть коммунистами, так как должны были быть беззаветно преданными Объединенной Рабочей партии (МАПАМ)¹⁷ и исповедовать только ее идеологию. Вскоре о том, что Вольф Гольдштейн симпатизирует коммунистам, стало известно руководству кибуца, затем – руководству всего кибуцного движения, после чего Гольдштейна вызвали в центральный офис последнего для «объяснения».

Объяснение, впрочем, было коротким: от него потребовали немедленно покинуть кибуц, что Вольф и сделал. А еще через несколько дней он выехал в Цюрих, чтобы продать дом и разделить с Эдит вырученные за него деньги. В Цюрихе до него окончательно дошел тайный смысл последней фразы Федорина. Гольдштейн понял, что для того, чтобы преуспеть в качестве советского разведчика и стать не просто агентом, но и резидентом советской разведки в Израиле, он должен попытаться проникнуть в коридоры израильской власти. Сделав это открытие, он направился... в израильское посольство и предложил бескорыстную помощь в качестве переводчика, архивариуса, консультанта. И спустя несколько месяцев он вернулся в Израиль с рекомендательным письмом посла Израиля в Швейцарии, в которых отмечалось, что податель данной рекомендации вполне достоин быть принятым на работу в МИД.

По приезде в Израиль Вольф Гольдштейн поменял имя и фамилию на Зеэва Авни¹⁸ и отправился в МИД в надежде получить там работу. Поначалу ему отказали, но Зеэв Авни оказался человеком упорным. Не гнушаясь работой в качестве ассенизатора и тракториста, он постоянно напоминал о себе в МИДе, и в 1950 году его настойчивость была вознаграждена: Авни был принят туда на работу. Для начала – простым сотрудником охраны.

Конечно, если бы отдел кадров МИДа удосужился проверить, почему Зеэв Авни был изгнан из кибуца, то, возможно, он никогда не получил бы этого места. Но тогда не было ни единой компьютерной сети, ни налаженной системы проверки всех, кто поступал на работу в государственные учреждения стратегического значения, и потому рекомендации, полученные Авни в Цюрихе, сделали свое дело.

Прошло несколько месяцев, и, учитывая его знание нескольких языков, Авни перевели на работу в экономический отдел МИДа. А в 1952 году он получил первое дипломатическое назначение и в качестве второго помощника израильского консула оказался в Брюсселе. Не

---

¹⁷ МАПАМ – левосоциалистическая партия, основанная в 1948 г. в результате объединения левых группировок в израильском рабочем движении. Находилась в левой оппозиции к социал-демократической партии МАПАЙ, которую МАПАМ обвиняла в центризме и в отказе от подлинно социалистической идеологии. В 1953 г. один из лидеров МАПАМ М. Снэ вышел из нее, основав Левую социалистическую партию, впоследствии присоединившуюся к Компартии Израиля (Маки). МАПАЙ – социал-демократическая партия, созданная в 1930 году Д. Бен-Гурионом и Б. Кацнельсоном. С конца 1930-х годов МАПАЙ, по сути, руководила жизнью евреев подмандатной Палестины, а с 1948 по 1968 гг. являлась правящей партией Израиля. В 1968 году на базе МАПАЙ была создана Израильская партия труда «Авода», продолжающая играть одну из ключевых ролей в израильской политике и сегодня.

¹⁸ По приезде в Израиль Вольф Гольдштейн поменял имя и фамилию на Зеэва Авни – новое имя являлось почти буквальным его переводом с немецкого на иврит.

успел Зеэв Авни обосноваться в выделенной ему МИДом брюссельской квартире, как в ней раздался телефонный звонок.

Бархатистый мужской голос произнес в трубку тот самый пароль, который ему некогда сообщил Карл Виберл, назвал адрес и время встречи, после чего в ней прозвучали отбойные гудки.

В Москве решили, что пришло время вспомнить об агенте по кличке Тони.

* * *

В течение всего времени своего пребывания на дипломатической работе Зеэв Авни исправно поставлял в Москву всю имевшуюся у него информацию о деятельности израильского МИДа и связанных с ним организаций. Резонно задаться вопросом о том, многое ли было известно второму помощнику консула, вроде бы уж слишком невелика эта должность.

Но, во-первых, стоит заметить, что не так уж она была и невелика: вся израильская дипломатическая миссия в Брюсселе тогда состояла только из трех человек – самого консула и двух его помощников. Естественно, через руки Авни проходила вся почта консульства, а значит, и все те письма, которые руководство МИДа рассылало во все консульства и посольства. Таким образом, благодаря Зеэву Авни в Москве было известно практически все, что происходило в израильском МИДе.

Кроме того, не стоит забывать, что Брюссель является центром оружейной промышленности Бельгии – и именно сюда приезжали представители Израиля для закупки бельгийского оружия, а также для ведения тайных переговоров о покупке все того же вооружения у французов. И Зеэв Авни исправно сообщал на Лубянку все, что ему удавалось выяснить в ходе этих переговоров...

Вдобавок ко всему в конце 1952 года к Зеэву Авни обратились за помощью сотрудники европейского отдела «Моссада». В те годы из-за острой нехватки кадров «Моссад» часто вынужден был обращаться с различными просьбами к дипломатам, но последние выполняли их обычно крайне неохотно. А на этот раз дело было совсем деликатное: узнав, что египтяне ищут специалистов, способных помочь им наладить собственное производство оружия и боеприпасов, в «Моссаде» решили направить в Египет в качестве таких профессионалов двух бывших нацистов, предварительно договорившись с ними, что они будут регулярно поставлять отчеты о проделанной ими работе по определенному адресу.

Но суть идеи заключалась в том, чтобы немцы, исправно выполняя работу разведчиков, и не подозревали бы, что работают на Израиль. Следовательно, для их вербовки нужен был человек, как можно меньше похожий на израильтянина: обладающий европейским лоском, говорящий по-немецки и по-французски без тени акцента и т. д., способный сыграть роль представителя одной из европейских стран. И Зеэв Авни просто идеально подходил для такой роли. К тому же, к радости сотрудников «Моссада», Авни не стал, в отличие от многих других дипломатов, чистоплюйствовать, говорить, что такая работа противоречит его жизненным принципам, и прочие глупости, а с готовностью согласился выполнить это задание. И вдобавок заявил, что не против выполнять и другие поручения «Моссада» и впредь.

И поручения последовали. Так как Зеэв Авни был обладателем диппаспорта, то ему все чаще доверяли роль курьера, доставлявшего секретные послания руководства этой организации работающим в различных европейских странах израильским разведчикам. Это позволило Зеэву Авни познакомиться почти со всеми резидентами «Моссада» в Европе. И при этом он, само собой, не забыл сообщить их данные в Москву.

С этого момента вся агентура «Моссада» находилась под полным контролем КГБ.

Из Брюсселя Зеэв Авни был направлен – с повышением! – на работу в Белград, в посольство Израиля в Югославии. Здесь он связался с представителем советской разведки и, таким

образом, исправно сочетал работу дипломата с обязанностями курьера «Моссада», а две этих миссии – с работой советского разведчика.

При этом во время встречи с представителями «Моссада» Авни не раз намекал им, что готов оставить дипломатию ради работы в спецслужбах, он рвался в «святая святых» израильской разведки. И сотрудники «Моссада» не раз передавали это пожелание Авни руководству, не забывая сопроводить его комплиментами в адрес перспективного сотрудника посольства в Белграде.

Тем временем операции «Моссада» проваливались одна за другой, и Маленький Исер упорно искал «крота», который действовал где-то рядом и имел доступ к самой секретной информации.

– Если я его найду, то спущу с него живьем шкуру и сошью из нее шубу, – как-то мрачно пошутил Харел.

Ждать ему оставалось недолго – «крот» пришел к нему сам.

* * *

В апреле 1956 года Авни неожиданно выпросил у руководства израильского МИДа разрешения поехать в отпуск в Израиль «по семейным обстоятельствам».

По словам самого Авни, у его восьмилетней дочери от первого брака возникли серьезные проблемы со здоровьем и бывшая супруга стала настаивать на его приезде. Однако вскоре после приезда он явился в главный офис «Моссада» в Тель-Авиве и написал записку главе «Моссада» Исеру Харелу с просьбой выкроить время для личной встречи.

В той же записке Авни сообщал, что хотел бы обсудить с Харелом три вопроса: во-первых, возможность его перехода из МИДа в «Моссад», во-вторых, возможность создания агентурной сети «Моссада» в Югославии, а в-третьих, возможность продолжения работы с двумя бывшими нацистами, которые были депортированы из Египта.

Исер Харел внимательно прочитал записку, и она ему не понравилась. Тем не менее он дал свое согласие на встречу с Зеэвом Авни, после которой его антипатия к этому человеку только усилилась.

«В то время мало кто был готов работать с нами на добровольных началах, – пишет Исер Харел в своих воспоминаниях. – Да и, честно говоря, я никогда особенно не верил в высокие человеческие порывы: сама жизнь не раз убеждала меня, что чем более высокопарные слова произносит человек, тем, как правило, более корыстны и низменны его мотивы. Авни же буквально источал энтузиазм и готовность беззаветно отдавать всего себя нашему делу.

Между тем его предложение о создании нашей резидентуры в Югославии было для нас совершенно неприемлемо: у нас были прекрасные отношения с режимом маршала Тито, мы великолепно сотрудничали с югославской разведкой, и ссориться с югославами нам не было никакого смысла. И хотя я ясно дал понять Авни, что не желаю обсуждать эту тему, он вновь и вновь возвращался к ней. Зачем ему надо было встречаться с некогда завербованными с его помощью немцами, мне было тоже не очень понятно.

Но самое главное, он все время говорил о том, что приехал в Израиль случайно, ради дочери, у которой есть проблемы со здоровьем, вновь и вновь к этому возвращался, и меня это начало раздражать. В конце концов я дал понять, что наша встреча закончена, но – просто на всякий случай, чтобы при необходимости можно было найти повод для повторной встречи, – добавил, что подумаю над его просьбой о переводе в «Моссад» и позвоню ему, чтобы сообщить свой ответ.

Когда Зеэв Авни ушел, я еще раз проанализировал наш разговор – точнее, подвел итоги того анализа, который уже сделал во время нашей встречи.

Мне было ясно, что он так много говорил о проблемах своей дочери не случайно: он явно хотел убедить меня, что именно это и является главной причиной его приезда в Израиль в незапланированный отпуск, а значит, на самом деле главная причина – совсем иная. Какая? Не заключается ли все дело в том, что ему очень хочется поработать в «Моссаде» – и именно для того, чтобы встретиться со мной и получить эту работу, он и приехал? Но это значит, что кто-то подталкивает его к данному шагу, а кто мог его подталкивать, как не КГБ?! Я вспомнил о том, как давно КГБ пытался ко мне подобраться, как он пробовал меня шантажировать моими родственниками, оставшимися в России, и пришел к выводу, что вероятность того, что Авни работает на Москву, очень высока.

Его предложение создать агентурную сеть в Югославии только укрепляло мою версию. Нам такая сеть в этой стране была не нужна, а вот КГБ, учитывая осложнившиеся отношения между советским и югославским руководством, как раз крайне необходима. И Авни вполне мог, подталкивая меня к идее создания израильской разведсети в Югославии, выполнять поручение своих начальников с Лубянки. В таком случае он получал огромные возможности для работы в Белграде под нашим прикрытием и пользуясь добрыми отношениями между Израилем и Югославией.

Таким образом, я утвердился в мысли о том, что Зеэв Авни, вероятнее всего, и есть тот самый советский шпион, которого мы так давно ищем. Правда, никаких доказательств у меня не было, а одной интуиции для столь тяжелого обвинения маловато...»

Чтобы подкрепить интуицию фактами, Харел потребовал принести ему личное дело Зеэва Авни. Прочитав в нем, что Авни в 1948 году жил в кибуце, а затем покинул его, он решил выяснить причины, которые побудили нового репатрианта пойти на такой шаг, – ведь жизнь в кибуце, при всех ее трудностях, на первых порах пребывания в стране гарантировала более-менее сносное существование, и за кибуц держались...

Проблема заключалась в том, что к тому времени у Исера Харела окончательно испортились отношения с партией МАПАМ: он подозревал ее руководство в слишком больших симпатиях к коммунистам, к СССР и, соответственно, в шпионаже в пользу «великого и могучего».

Лидеры МАПАМ, в свою очередь, ненавидели Харела и копили на него компромат, который позволил бы добиться его отставки. Таким образом, напрямую ни к лидерам МАПАМ, ни к руководителям кибуцного движения Харел обратиться не мог, и ему пришлось пользоваться своими информаторами, действующими внутри партии.

Но и здесь были свои трудности: всего за шесть лет в кибуце успели забыть о том, что же именно послужило причиной изгнания Авни. Кто-то утверждал, что причины эти были чисто личными – измена жены и его роман с какой-то девушкой, а некоторые говорили, что Авни тогда разоблачили как советского шпиона, но подробностей разоблачения опять-таки не помнили (по той простой причине, что его не было).

Как бы то ни было, фактов против Зеэва Авни у Исера Харела опять не было, и потому он решил действовать напором. Харел позвонил Зеэву Авни и предложил ему встретиться, как он сказал, не в Центральном управлении «Моссада», а в его личном офисе, и Авни не только ничего не заподозрил, но и воспринял это предложение как проявление доверия. На самом деле никакого личного офиса у Харела не было – он пригласил Зеэва Авни на конспиративную квартиру ШАБАКА, напичканную скрытыми видеокамерами и подслушивающими устройствами. Сам Харел встретил Зеэва Авни в холле этой квартиры, а в примыкающей к нему комнате в это время сидел тогдашний глава ШАБАКА Амос Манор¹⁹.

– Ты, подонок, советский шпион, работающий на Москву с самого своего приезда в страну! – бросил Харел в лицо Зеэву Авни, едва тот вошел в комнату.

---

¹⁹ Амос Манор (наст. имя – Артур Менделевич, 1918–2007) – бывший узник Освенцима, глава ШАБАКА в 1953–1964 гг.

В комнате на какую-то, казалось, длившуюся целую вечность минуту воцарилось молчание, а затем Авни сказал:

– Да, вы правы: я действительно советский разведчик, но больше вы от меня ничего не узнаете!

«Повторю, у меня не было против него никаких фактов, и если бы он в самой категоричной форме отверг бы это мое обвинение, на этом все бы и кончилось. Но он признался!» – пишет Исер Харел.

«Заявление Харела повергло меня в шок, – вспоминает в своих мемуарах Зеэв Авни. – Я был уверен, что «Моссад» не может выдвигать подобные обвинения против высокопоставленного сотрудника МИДа без всяких оснований, и решил, что у них вполне достаточно фактов для моего ареста. Значит, нужно было выиграть время, понять, какими фактами против меня они располагают и уже на основании этого выстроить линию защиты. И я решил признать справедливость их обвинения, но ни в коем случае не открывать им известные мне тайны.

Был еще один момент, который толкнул меня именно на такой шаг. Я понял, что нахожусь на явочной квартире, где они могут сделать со мной что угодно. В том числе и убить, и никто об этом не узнает. Поэтому мне хотелось как можно скорее оказаться в обычной тюрьме, где я бы чувствовал себя более защищенным...»

Однако Харел не спешил и после сделанного Зеэвом Авни признания вдруг заявил, что если тот сейчас расскажет все о своей деятельности против Израиля, то он не станет его даже арестовывать – сразу после этого Зеэв отправится домой, а затем, возможно, и вернется на работу в Белград. Самое любопытное, что, говоря все это, Харел был искренен: он надеялся, что Зеэва Авни можно перевербовать и превратить в двойного агента. Но Авни решил, что Харел хочет воспользоваться его замешательством и обмануть его, а потому от предложенной сделки отказался.

Сразу после этого Исер Харел покинул эту квартиру, а Зеэвом Авни занялся Амос Манор. Манор начал говорить с Авни, исходя из предположения, что тот, как и другие советские разведчики, был завербован с помощью угроз и шантажа. Но вскоре он понял, что речь идет о куда более крепком орешке, так как Авни-Гольдштейн действовал, движимый глубокой верой в то, что за ним стоит высшая правда и он делает поистине святое дело.

В результате вместо допроса у них получилась жесткая идеологическая дискуссия, в ходе которой Манор и Авни вдоволь накричались друг на друга. Наконец в два часа ночи Амос Манор осознал, что ничего от Авни не добьется, и вызвал своих сотрудников. Те велели Авни раздеться донага, тщательно обыскали его самого и его одежду, а затем вернули ее ему без ремня и шнурков для ботинок. После этого Зеэву Авни накинули на голову мешок, вывели его из явочной квартиры и доставили в тюрьму в Рамле, где ему предстояло провести еще немало лет.

Вести следствие по делу Зеэва Авни поручили одному из самых опытных израильских полицейских – молодому полковнику Иегуде Прагу.

Спустя несколько недель Праг на основе весьма скурых показаний Авни составил и передал в суд обвинительное заключение. Сам суд состоялся 13 августа – спустя всего месяц после ареста Авни.

Представитель обвинения Хаим Коэн требовал признать Зеэва Авни виновным по трем пунктам: измена родине, нанесение серьезного ущерба безопасности Израиля, передача в руки третьих лиц секретной информации, которая привела к арестам и подвергла опасности жизни людей, работавших на Израиль. По каждой из этих статей Зеэву Авни грозило 14 лет тюремного заключения, и, таким образом Коэн требовал осудить его на 42 года тюрьмы. Однако судья Биньямин Леви прекрасно видел всю шаткость представленных обвинением доказательств и потому приговорил Зеэва Авни только к 14 годам тюремного заключения.

Однако для «Моссада» мало было отправить Зеэва Авни за решетку – куда важнее было «расколоть» его, узнать, какие именно тайны он выдал КГБ, насколько велик нанесенный им ущерб и можно ли его исправить.

И Иегуда Праг стал не реже раза в неделю ездить в Рамле для того, чтобы навестить отбывающего наказание советского шпиона в его камере-одиночке.

* * *

Прагу было ясно, что он сможет разговорить Зеэва Авни только в одном случае – если убедит его, что коммунистическая идеология, которой тот верой и правдой до сих пор служил, на самом деле ведет человечество не к свету, а во тьму тирании и попрания всех свобод. К тому времени в Москве уже прошел XX съезд КПСС, и хотя сделанный на нем новым генсеком Н. С. Хрущевым доклад хранился в тайне, в Израиле была копия его текста, переданная из Варшавы журналистом Виктором Граевским, с историей которого читатель познакомится в третьей части этой книги. Однако и текст этой речи, и статьи о XX съезде, опубликованные в различных израильских, немецких, американских и прочих газетах, Зеэв Авни упорно называл «фальшивкой, сфабрикованной американскими империалистами».

«Я приносил Авни книги великих писателей, которые еще в 30-х годах поняли всю правду о сталинизме, оставлял ему газеты, мы много беседовали и много спорили, – вспоминал Иегуда Праг. – Постепенно его отношение ко мне изменилось – теперь он откровенно радовался моему приходу, скрашивающему его монотонные тюремные будни. Но объяснить ему всю ошибочность коммунистической теории мне не удавалось. Это было все равно, что пытаться объяснить слепому, что такое цвет».

Все решила опубликованная в «Джерузалем Пост» статья лидера итальянской компартии Пальмиро Тольятти, в которой последний весьма убедительно объяснял, что дело не только в Сталине – дело в порочности целого ряда базисных положений, которыми руководствовалась КПСС все эти годы. То ли Тольятти и в самом деле оказался свехубедительным в своих аргументах, то ли его статья была той самой последней каплей, которая переполнила чашу, но охранники тюрьмы в Рамле потом рассказывали о диком, нечеловеческом крике, который раздался в то утро из камеры Зеэва Авни.

Когда они ворвались в нее, чтобы выяснить, что случилось, Авни бился на кровати в истерике, а рядом с ним на полу валялся скомканный лист газеты.

– Позвоните Прагу, – сказал сквозь рыдания Зеэв Авни, – и передайте ему, что я готов рассказать все.

...Когда отчет с рассказом Авни лег на стол Манора и Харела, он поверг обоих руководителей спецслужб в шок: ущерб, нанесенный этим человеком израильским спецслужбам, оказался куда больше, чем они предполагали. Израильские разведгруппы пришлось отзывать почти из всех стран Европы, чтобы затем начать строить в них разведсеть заново. Но вместе с тем они посчитали, что за свое, пусть и позднее, раскаяние, Авни заслуживает облегчения условий своего содержания. Осужденного перевели в обычную камеру, ему разрешили заочно учиться в университете, и вскоре Зеэв Авни воспользовался предоставленной ему возможностью и через три года получил диплом клинического психолога.

В 1965 году за примерное поведение он был досрочно освобожден из тюрьмы, переехал в расположенный между Герцлией и Северным Тель-Авивом поселок Ришпон и открыл там частную психологическую клинику. Кроме того, в качестве клинического психолога Зеэв Авни работал еще и в двух психиатрических больницах Израиля. В 1973 году сразу после начала Войны Судного дня в качестве психиатра и психолога Авни служил в действующей армии и в полевых госпиталях. В 1980 году он решил уйти на покой и переехал на жительство в Хадеру...

Лишь в 1993 году «Моссад» и ШАБАК разрешили рассекретить его историю, и вскоре и Харел, и Авни выпустили в свет свои мемуары, на основе которых и написан этот очерк. В 2001 году Зеэв Авни скончался в своем доме в Хадере, и это событие удостоилось небольшой заметки в крупнейшей израильской газете «Едиот ахронот». Любопытно, что автор этой заметки назвал Авни «самым удачливым советским разведчиком за всю историю противостояния советских и израильских спецслужб». Впрочем, жанр некролога предполагает небольшие преувеличения...

1958. Лютик из Варшавы

Малка Леви была красивой женщиной...

Тонкая талия, широкие бедра, высокая грудь, чувственные губы и возбуждающая маленькая родинка на щеке – такая могла, пожалуй, вскружить голову и 18-летнему юнцу, и зрелому мужчине. Она и в самом деле идеально соответствовала своему имени²⁰: есть женщины, которые рождены, чтобы царствовать над мужскими сердцами...

– Так вы поможете моему Лютику или нет?! – этот вопрос посетительницы вывел Арье Маринского из того ступора, в который он вошел, как только она переступила порог его кабинета, и заставил вспомнить о том, что он пока всего лишь адвокат, а она – потенциальная клиентка.

– Вчера, выходя из дома, муж сказал, что отправляется на важную встречу и если он не вернется до утра, то я должна направиться в ваш офис и передать вот это письмо. Он так и не вернулся...

Малка Леви явно демонстративно всхлипнула и протянула Маринскому вскрытый конверт, видимо, она не удержалась и сначала прочитала письмо сама. Оно было коротким и предельно четким:

«Я, нижеподписавшийся, Люциан, сын Игнация Леви, родившийся 5 сентября 1922 года, удостоверяю:

1. С 1950 по август 1957 года я работал в Общей службе безопасности Израиля, известной как ШАБАК.

2. В течение этого времени я получал зарплату от государства как сотрудник спецслужбы и выполнял различные, в том числе и весьма деликатные задания.

3. 30 января 1958 года я должен встретиться с одним из руководителей ШАБАКа в связи с окончанием моей работы в этой спецслужбе.

4. У меня есть веские основания предполагать, что во время этой встречи или сразу после нее я буду арестован или тем или иным путем ликвидирован. В случае, если я исчезну без вести или со мной произойдет какая-нибудь «неприятность» вроде автокатастрофы, прошу передать это письмо адвокату Шмуэлю Тамиру²¹, а его, в свою очередь, прошу обратиться в полицию или суд для выяснения обстоятельств моей гибели или исчезновения без вести.

Леви Леви».

Пробежав еще раз по письму глазами, Арье Маринский понял, почему Леви решил обратиться за помощью именно к его патрону и компаньону Шмуэлю Тамиру: Тамир и Маринский никогда не скрывали, что являются сторонниками правого лагеря и его лидера Менахема Бегина. А так как стоящая у власти Рабочая партия МАПАЙ не гнушалась использовать спецслужбы для сведения счетов со своими политическими оппонентами, то Маринскому с Тамиром часто приходилось выяснять отношения с ШАБАКом или полицией. Вот и сейчас, расспросив Малку чуть поподробнее о муже, Маринский набрал номер телефона главы ШАБАКа Амоса Манора.

– Мне бы хотелось выяснить судьбу одного моего знакомого, – сказал он в трубку. – Кстати, до недавнего времени вашего сотрудника...

Имя Леви Леви он назвать не успел.

---

²⁰ Малка (иврит) – королева.

²¹ Шмуэль Тамир (Каценельсон, 1923–1987) – израильский юрист и политический деятель. Приобретая широкую известность как адвокат, Тамир стал лидером правоцентристской партии Общих сионистов и в этом качестве вошел в Кнесет. Является одним из создателей правого либерально-демократического движения «Ликуд».

– Человек, которого ты ищешь, находится в тюрьме в Рамле, – отрубил Манор. – Он – польский шпион, в течение многих лет работавший на коммунистов. И, зная твои убеждения, Арье, я бы не советовал тебе влезать в это дело.

– У вас есть какие-то доказательства, подтверждающие эти обвинения? – спросил Маринский, пропустив мимо ушей замечание Манора.

– Более чем достаточно для ареста. И, уверен, будут еще.

– И все же я хотел бы с ним встретиться.

– Ты в своем праве. Я скажу, чтобы тебе выписали пропуск. Но, поверь, ты зря это делаешь...

Леви Леви оказался невысоким, подтянутым мужчиной с тонкими усиками, делавшими его неуловимо похожим на чеховских телеграфистов. Несмотря на то что позади у Леви было уже больше суток пребывания в тюремной камере, было видно, что этот человек привык следить за собой и превыше всего в мире ценил комфорт и элегантность.

– Вы знаете, господин Леви, что я являюсь патриотом Израиля и антикоммунистом, – сказал Маринский во время первой встречи. –

И если я узнаю, что вы действительно шпионили против Израиля в пользу коммунистов, я не только прекращу заниматься вашим делом, но и сделаю все, чтобы упрятать вас на как можно более длительный срок за решетку.

– Но я уже поклялся вам, что ни в чем не виновен. И единственное, о чем я прошу, – так это о том, чтобы вы, господин адвокат, помогли мне доказать мою невиновность! – с пафосом произнес Леви Леви...

Так начинало раскручиваться это дело, считающееся одной из самых постыдных страниц в истории ШАБАКа. И не потому, что Леви Леви был одним из самых опасных вражеских разведчиков, действовавших когда-либо на территории Израиля, хотя, конечно, ущерб, нанесенный им этой деятельностью безопасности страны, был огромен.

Нет, дело заключалось в том, что в течение семи лет Леви Леви действовал не где-нибудь, а внутри ШАБАКа, являясь одним из высокопоставленных его сотрудников. И все это время он аккуратно сообщал все ведомые ему служебные и государственные тайны своему начальству в Варшаву, а оттуда уже сведения, само собой, передавались в КГБ СССР. Именно потому, что данное дело считается самым позорным пятном в истории ШАБАКа, оно было засекречено более 30 лет, и лишь в 1991 году некоторые его подробности были разрешены к публикации.

Так что Арье Маринскому Леви Леви врал – и врал совершенно сознательно. Правда заключалась в том, что он стал платным агентом польского ГБ еще в 1946 году, то есть за два года до репатриации в Израиль...

* * *

Биография Лючиана (Леви) Леви, в общем-то, похожа на сотни тысяч биографий других польских евреев, которым удалось выжить в годы Катастрофы. Он и в самом деле, как указал в письме, родился в 1922 году в польском городе Радоме в обычной еврейской семье, в юности вступил в ряды молодежной сионистской организации «Гордония»²², а с началом Второй мировой войны бежал вместе с семьей в СССР. Здесь Леви вскоре оказался на службе в НКВД. Правда, он не был ни следователем, ни бойцом расстрельного отряда – задачами того подразделения, в котором ему выпало служить, были охрана железных дорог и борьба с диверсантами.

---

²² «Гордония» – молодежное сионистское движение, созданное в 1923 году. Цели движения заключались в воссоздании родины на земле еврейского народа в Эрец-Исраэль, в воспитании участников движения в гуманистическом духе, в создании трудоспособной нации, в возрождении еврейской культуры на родном языке (иврите) и в самостоятельном труде.

В 1945 году, сразу после окончания Второй мировой, Лючиан Леви возвращается в Польшу. Как, впрочем, и сотни тысяч других польских евреев, горевших желанием «помочь восстановлению многострадальной родины». Немалое число этих возвращенцев составляли убежденные коммунисты, готовые ревностно служить новому правительству Польши. Не менее 400 таких евреев оказались на верхних и средних этажах власти в так называемом Министерстве общественной безопасности (МОБ) – аналоге советского НКВД.

Руками этих евреев руководство новой службы обычно делало самую грязную работу: евреи занимались изгнанием в Германию более миллиона немцев из западных районов страны, переселением сотен тысяч украинцев из восточной Польши в СССР и другие страны, закрытием костелов и ликвидацией католических священников, а также организацией репрессий против идейных противников новой власти. Имена отвечавшего за МОБ члена Политбюро Польской Объединенной Рабочей Партии Якуба Бермана, а также Анатолия Фейгина, Полины Прайс и других коммунистов, руководивших различными отделами МОБ, до сих пор вызывают содрогание и ненависть у поляков.

Но в том-то и дело, что Лючиан Леви никогда коммунистом не был, по возвращении в Польшу он снова примкнул к «Гордонии», поступил в Варшавский университет и честно собирался его закончить. Сексотом он стал совершенно случайно: зимой 1946 года, возвращаясь в сильном подпитии со студенческой пирушки, Леви забрел на какой-то секретный объект, не откликнулся на предупреждение часового и получил пулю в ногу. Затем он оказался на допросе в отделении МОБ, где ему предложили «честную сделку»: либо его обвиняют в шпионаже и попытке проникнуть на территорию секретного объекта, либо... он начинает работать на польскую разведку, сообщая ей о том, что происходит в его организации «Гордония».

И в первый раз повод порадовать своих работодателей появился у Леви спустя несколько месяцев, когда по Польше прокатилась волна кровавых еврейских погромов.

Сегодня уже трудно сказать, являлись ли эти погромы реакцией поляков на активное участие евреев в политических репрессиях или же были просто-напросто спровоцированы с определенной целью польскими спецслужбами. Но факт остается фактом: в ходе этих событий были зверски убиты сотни евреев. Решив противостоять погромщикам, руководство «Гордонии», в состав которого входил и Леви Леви, начало создавать еврейские отряды самообороны, однако данная идея потерпела крах, так как Леви сообщил властям, где находятся тайники с собранным «Гордонией» оружием...

В последующие месяцы он аккуратно передавал в «органы» отчеты обо всех заседаниях «Гордонии» и столь же аккуратно получал за них денежное вознаграждение. Однако жизнь для Лючиана Леви не начиналась и не заканчивалась сотрудничеством с польской разведкой.

В 1947 году он женился, и вскоре они с женой, как и многие другие польские евреи тех лет, стали подумывать о переезде в Израиль. В 1948 году Лючиан сообщил об этом своему начальству в МОБ и спросил, не возражает ли оно против его репатриации. Начальство не возражало, однако предупредило Леви, что его служба в разведке не окончена. Наоборот, когда он обживется в Израиле, с ним снова выйдут на связь, чтобы он смог продолжить работу на благо родной Польши.

В Израиль супруги Леви приехали летом 1948 года – вскоре после официального возникновения государства. Какое-то время они учили иврит в кибуцном ульпане, затем Леви был призван на службу в армию, а в 1950 году молодая супружеская пара оказалась в Тель-Авиве. На одной из улиц этого города Лючиан, сменивший свое польское имя на чисто еврейское Леви, и встретил своего давнего знакомого по совместной деятельности в «Гордонии».

Знакомый работал в МИДе и, узнав, что Леви ищет работу, сказал, что поможет ему устроиться на какую-нибудь должность в это министерство.

Нужно сказать, что трудоустройство на работу в госучреждения в Израиле в те годы происходило в соответствии с рядом неписаных правил. С одной стороны, начальники отделов

кадров были крайне подозрительны, опасаясь, что претендент на ту или иную должность может быть сторонником правых политических взглядов и членом правого, оппозиционного движения «Херут», которым путь в государственные организации и ведомства был заказан. С другой стороны, никто не осуществлял никаких детальных проверок новых сотрудников, словно среди них не могло быть агентов арабских или каких-либо других разведок. Для приема на ту или иную должность в любое министерство или ведомство будущему сотруднику достаточно было принести записку от какого-нибудь знакомого начальника отдела кадров, состоявшей из одной, но кодовой фразы: «Это – наш человек».

Именно такую записку Леви Леви принес в МИД, после чего стал сотрудником так называемого Специального отдела министерства. В сущности, к дипломатии работа отдела имела весьма косвенное отношение: в задачу его работников входило наблюдение за офицерами войск ООН, зарубежными дипломатами и бизнесменами для того, чтобы выяснить, не занимаются ли они шпионажем. По большому счету, этот отдел занимался контрразведкой и вскоре вместе с другими подобными отделами и составил основу ШАБАКа – Общей службы безопасности Израиля.

Начало 50-х годов было для сотрудников новой службы периодом ученичества, но учились они с огоньком, старательно, быстро превращаясь в матерых профессионалов. И вместе с ними учился и получал очередные повышения по службе Леви Леви.

В 1951 году произошло то, чего он давно ждал: на него вышел резидент польской разведки в Израиле. В том же году от тяжелой болезни у Леви скоропостижно умерла жена. Потом, в 1958 году, у следователей возникнет подозрение, что молодая женщина, узнав о том, что ее муж является польским шпионом, решила донести на него – и тогда Леви ее отравил. Однако эта версия так и не была разработана: труп первой жены Леви Леви было решено не эксгумировать, и обвинение в убийстве ему никто не предъявил...

Но все это будет потом. А в 1952 году Леви Леви женился на красавице-медсестре Малке, и их квартира стала одним из излюбленных мест встреч сотрудников ШАБАКа.

Своим бывшим сослуживцам Леви Леви запомнился прежде всего как хлебосольный хозяин, в холодильнике которого всегда можно было найти дефицитные импортные напитки, дорогую колбасу, красную рыбу и даже черную икру. Он был великолепным игроком в карты и приверженцем аристократического образа жизни. На службе он всегда появлялся в элегантном темном или светлом костюме и в подобранной ему в тон «бабочке». Курил Леви исключительно дорогой «Кент». Вдобавок ко всему он был хозяином чистопородного далматинца, стоившего безумные деньги.

Когда кто-то из сослуживцев поинтересовался, как ему удастся вести такое роскошное существование на скромную зарплату сотрудника ШАБАКа, Леви рассказал, что ему помогают живущие во Франции богатые родственники. Время от времени Леви и в самом деле выезжал во Францию, а возвращаясь оттуда, привозил дорогой коньяк, сигары и порнографические журналы – все, что в Израиле 50-х было недоступно даже очень обеспеченным людям. Кроме того, он щедро давал в долг тем, кто оказывался в стесненных обстоятельствах...

Нужно ли добавлять после всего вышесказанного, что в ШАБАКе Леви Леви любили?! Сослуживцы делились с Леви своими проблемами, и потому он был в курсе того, чем занимается не только его отдел, но и остальные подразделения этой сверхсекретной организации.

Кроме того, была у Леви Леви одна слабость, на которую все смотрели снисходительно: он обожал фотографировать и фотографироваться, а потому повсюду таскал за собой фотоаппарат, на который «отщелкивал» участников различных секретных заседаний и все операции ШАБАКа. Когда отделу Леви поручили охранять членов правительства Израиля и высоких зарубежных гостей, он просил своих товарищей запечатлеть его рядом с Голдой Меир, Бен-Гурионом и другими израильскими министрами. Любопытно, что за все эти годы никто ни разу не поинтересовался у Леви, куда же именно деваются тысячи сделанных им фотоснимков. А

между тем все они вместе с подробными донесениями ложились на столы руководителей польской разведки в Варшаве. И если фотокопии документов ШАБАКа, отчеты об операциях этой спецслужбы, списки ее руководителей и руководителей других спецслужб и армейских подразделений были частью рабочих отчетов Леви, то фотографии с различными израильскими лидерами призваны были убедить руководство польского МОБ в том, насколько высоко удалось взлететь их агенту и что неплохо было бы прибавить ему зарплату...

В первый раз угроза провала нависла над Леви Леви в 1955 году, когда сотрудники ШАБАКа установили слежку за подозреваемым в шпионаже польским дипломатом. Среди тех, с кем тайно встречался этот резидент польской разведки в Израиле, они обнаружили и своего коллегу Леви Леви.

Леви был вызван для объяснений к начальнику Восточноевропейского отдела и на вопрос о том, встречался ли он с польским резидентом, с ходу признался, что такая встреча действительно состоялась. Но тут же пояснил, что он просто пытался перевербовать бывшего земляка. Самое интересное заключается в том, что это объяснение было принято. Леви лишь попеняли за то, что он занялся не своим делом, и велели прервать всяческие контакты с дипломатом.

Но уже приближался 1957-й год, которому суждено было стать роковым в судьбе Леви Леви.

Год этот вошел в историю Израиля и Польши как «год алии Гомулки²³»: именно в 1957-м еще остававшиеся в Польше сотни тысяч евреев двинулись в Израиль, завершив таким образом многовековую историю польского еврейства. Но за те девять лет, которые прошли с момента возрождения еврейского государства, профессионализм израильских спецслужб значительно вырос, а сам подход к новым репатриантам существенно изменился.

Теперь в Лодском аэропорту активно работал отдел ШАБАКа, сотрудники которого опрашивали каждого новоприбывшего о том, не пытались ли его перед отъездом завербовать те или иные спецслужбы, не известны ли ему какие-то технические, военные или политические секреты страны, из которой он приехал, и т. д. Тех, кто вызывал у этих сотрудников интерес, потом приглашали на беседу уже в тель-авивский офис ШАБАКа и просили рассказать о том, что он знает, поподробнее.

Вся полученная таким образом информация тщательно обрабатывалась, и значительная ее часть переправлялась в ЦРУ: в Штатах хотели знать как можно больше обо всем, что происходит в СССР и странах социалистического лагеря. В ответ американцы поставляли в Израиль имевшуюся у них информацию об арабских странах и щедро делились со своими израильскими коллегами новинками в области «шпионской техники».

Среди тех, кто прибыл на Землю обетованную с «алией Гомулки», был и Эфраим Либерман. Еще в аэропорту он признался, что с 1946-го года по начало 50-х годов был координатором отдела польского МОБ по работе с еврейскими организациями.

Либерман добавил, что среди работавших у него агентов был один член «Гордони», прозванный за свою восточную внешность «Армянином», но в глаза сотрудники отдела называли его Лютиком. Настоящего имени и фамилии «Лютика» Либерман не знал. Но зато он знал, что в 1948 году Лютик уехал в Израиль, стал здесь работать в какой-то спецслужбе и поляки были чрезвычайно довольны его работой.

Рассказ Либермана поверг сотрудников ШАБАКа в состояние шока: выходило, что где-то среди них работает в течение многих лет самый настоящий польский шпион. Когда Либерман ушел, один из них спросил своего товарища:

– Ты знаешь, кого из наших жена называет Лютиком?

---

²³ Гомулка Владислав (1905–1982) – польский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 гг., Польской объединенной рабочей партии в 1956–1970 гг. За критику сталинизма был заключен в 1951–1954 гг. в тюрьму. В конце 60-х – начале 70-х гг. был организатором антисемитской кампании в Польше, приведшей к массовому выезду польских евреев в Израиль. В 1970 г. вследствие волнений рабочих был смещен с должности.

– Знаю – Леви Леви, – кивнул головой тот. – Но в то, что он – шпион, я, извини, не верю...

Уже через минуту они сообщили начальнику Восточноевропейского отдела Ниру Баруху о переданной Либерманом информации, а тот, в свою очередь, был так поражен ею, что немедленно направился в кабинет своего босса Амоса Манора.

Поздно вечером в штаб-квартире ШАБАКа было собрано экстренное совещание, в котором, с учетом его важности, принял участие премьер-министр Давид Бен-Гурион²⁴. Помимо него, за столом собрались Манор, Барух, другие начальники отделов и глава «Моссада» Исер Харел. Чем больше Харел слушал доклад Манора, тем больше мрачнел, и это было дурным знаком. Наконец он заговорил, и, как всегда в тот момент, когда этот невысокий, лысый человек начинал говорить, в комнате установилась мертвая тишина, и каждый из присутствующих вдруг ощутил себя кроликом, впавшим в гипнотический ступор перед раскачивающимся перед ним удавом.

– Все ясно: вы проворонили опасного шпиона прямо у себя под носом, – сказал Харел. –

При этом я не понимаю, почему до сих пор никто не поинтересовался, на какие средства он ведет такой образ жизни, так хорошо одевается, курит дорогие сигареты, для чего он летает во Францию. Налицо, можно сказать, преступная халатность руководства ШАБАКа... Лично у меня на сотрудника, ведущего подобный образ жизни, мгновенно обратили бы внимание.

– Извини, Исер, но вина Леви еще не доказана, – наконец решился вставить слово Амос Манор. – К тому же известно, что для тебя каждый, кто носит галстук, – потенциальный шпион!

– Его вина будет доказана, – спокойно сказал Харел. – А галстук-бабочка – это и в самом деле буржуазный пережиток, свидетельствующий о тайной развращенности натуры и склонности к предательству...

Однако самым сложным вопросом, который решался на этом совещании, стал вопрос о том, что же делать с Леви Леви. Арестовывать его немедленно было нельзя: слишком уж мало было против него доказательств, точнее, их пока не было вообще.

Устанавливать за ним постоянное наблюдение было бессмысленно: профессиональный разведчик, Леви, безусловно, тут же обнаружит слежку, поймет, что раскрыт, и либо попытается бежать из страны, либо уничтожит все доказательства своей шпионской деятельности...

В итоге было решено, во-первых, отстранить Леви Леви от участия во всех операциях ШАБАКа, во-вторых, установить за ним избирательное наблюдение и ждать, когда он выйдет на связь с резидентом.

Так все и было сделано.

Леви даже позволили однажды выехать во Францию, хотя уже знали, что никаких родственников ни в этой стране, ни где-либо еще на планете у него не осталось. Но Леви Леви, вне сомнения, начал что-то подозревать, как только почувствовал, что его не допускают к участию в наиболее ответственных операциях. Явившись к начальству, он потребовал объяснений, на что ему ответили, что он в последнее время явно переработал и руководство хочет дать ему немного отдохнуть...

Еще через месяц Леви обратился к начальству с просьбой об очередном повышении в зарплате и звании, а когда ему ответили, что пока это невозможно, хлопнул дверью.

С каждым днем отношения между ним и начальством становились все напряженнее, и наконец Леви стали намекать, что было бы неплохо, если бы он сам подал прошение об отставке. Так как Леви это сделать отказался, на 30 января 1958 года ему была назначена встреча в кабинете главы ШАБАКа Амоса Манора. Уходя на эту встречу, Леви протянул жене письмо и попросил, если он не появится до утра, отнести этот конверт в адвокатскую контору Шмуэля Тамира...

---

²⁴ Давид Бен-Гурион (Давид Грин, 1886–1973) – один из лидеров сионистского движения и основатель Государства Израиль. Дважды занимал пост премьер-министра Израиля.

Начались следствие и судебный процесс по делу Леви Леви, которые длились неимоверно долго – почти четыре года. Адвокаты Шмуэль Тамир и Арье Маринский поистине блестяще отстаивали интересы своего подзащитного. Они обращали внимание судей на то, что у ШАБАКа практически не было никаких доказательств шпионской деятельности Леви, кроме показаний Эфраима Либермана.

– Но кто сказал, что этому человеку можно доверять?! – вопрошал судей Маринский. –

И как могли поляки выпустить в Израиль координатора отдела своей разведки, зная, что он может провалить их лучшего, как вы сами говорите, шпиона?!

Неожиданные доказательства шпионской деятельности Леви появились у ШАБАКа только в 1960 году, когда из Польши во Францию сбежал полковник польской разведки Владислав Мороз. В числе прочих переданных им сведений была и информация об успешной деятельности в Израиле Леви Леви. Французские контрразведчики немедленно поделились этой информацией со своими коллегами из «Моссада» и даже устроили одному из руководителей организации встречу с Морозом.

Во время встречи Мороз подтвердил факт сотрудничества Леви с польской ГБ, даже написал подробную записку о том, какую именно информацию передал Леви полякам (а значит, и русским). Но при этом он категорически отказался дать какие-то показания в суде и попросил не предавать его записку огласке. В «Моссаде» не скрывали своего разочарования: без готовности Мороза стать свидетелем на процессе против Леви его показания казались бессмысленными, а Леви Леви в ходе следствия так и не сказал ни слова.

Но спустя месяц Владислав Мороз был сбит на парижской улице «случайно» вылетевшей из-за угла машиной, и как французы, так и израильтяне поняли, что у них нет больше никаких моральных обязательств перед покойным полковником. Получив известие о гибели Мороза, глава ШАБАКа Амос Манор пригласил на «дружескую беседу» адвоката Арье Маринского.

– Когда-то, Арье, – сказал он, – ты требовал от меня доказательств вины Леви Леви. Вот, прочти этот документ. Это – показания польского полковника, перебежавшего во Францию и убитого за эту измену своими бывшими коллегами...

Маринский взял в руки бумаги, прочел их один раз, затем второй, а потом, не говоря ни слова, положил их на стол Манора и молча вышел из его кабинета.

Сев в машину, он дрожащими руками закурил сигарету, затем включил зажигание и погнал автомобиль через дождь, нарушая все правила дорожного движения, по скользкой дороге в Рамле. Явившись в расположенную в этом городе тюрьму, Маринский потребовал немедленно, невзирая на поздний час, предоставить ему встречу с его клиентом Леви Леви.

– Ты видел, как я воевал за тебя, Леви? – спросил он его.

– Да, конечно, – ответил тот. – И я тебе очень за это признателен.

– И все это время, Леви, ты лгал мне...

Леви взглянул в глаза Маринского, в которых плясал бешеный огонь ненависти, и спокойно заметил на идише:

– Не бесись, Ареле... Да, я тебе лгал. Но ради тебя я готов рассказать им всю правду.

В три часа ночи Маринский позвонил домой Манору.

– Можете прислать следователя в тюрьму, – сообщил он. – Леви Леви готов давать показания... В итоге Леви Леви был приговорен судом к семи годам тюремного заключения и в 1965 году, отбыв две трети данного срока, вышел на свободу. Вскоре после этого он развелся с женой и уехал в Австралию, где его никто не знал. Там, за океаном, он тихо дожил до самой своей смерти в середине 80-х годов.

Моральная травма, нанесенная Леви Леви ШАБАКу, была настолько велика, что последствия ее ощущались еще очень долго, и сотрудники этой спецслужбы до сих пор очень не любят вспоминать эту историю.

В середине 90-х годов, когда запрет на публикацию всех подробностей этого дела был снят, один из самых блестящих адвокатов Израиля Арье Маринский уселся за написание мемуаров. Дойдя до главы, посвященной делу Леви Леви, он долго сидел, сцепив пальцы, и наконец отстучал на свой любимой пишущей машинке первую фразу:

«Малка Леви была красивой женщиной...»

1960. Ошибка профессора Ситы

Профессора Курта Ситу с полным правом можно назвать самым образованным и самым интеллигентным шпионом, который когда-либо действовал на территории Израиля. Однако Курт Сита был не только рафинированным интеллигентом, но и пижоном и бабником, питавшим слабость к хорошеньким девушкам, элегантной одежде и комфортной жизни. Среди его особых пристрастий следует назвать галстук-бабочку, элегантный, пригнанный по фигуре серый костюм, дорогие машины и хорошие сигареты. Стоит заметить, что, по меньшей мере, Сита заслужил все эти блага, так как на его долю выпала совсем непростая судьба...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.